

Берестнев Г. И. Когнитивная структура случайности / Г. И. Берестнев // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 27—44. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-27-44.

Berestnev, G. I. (2021). Cognitive Structure of Randomness. *Nauchnyi dialog*, 7: 27-44. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-27-44. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-27-44

Когнитивная структура случайности

Берестнев Геннадий Иванович

orcid.org/0000-0003-1783-6253

доктор филологических наук,
профессор

Института гуманитарных наук
berest-gen@mail.ru

Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта
(Калининград, Россия)

Благодарности:

Работа выполнена при финансовой
поддержке РФФИ,
грант № 19-012-00030 «Акаузальные
семантические совпадения
с точки зрения когнитивной
лингвистики»

Cognitive Structure of Randomness

Gennady I. Berestnev

orcid.org/0000-0003-1783-6253

Doctor of Philology, Professor
of the Institute of Humanities
berest-gen@mail.ru

Immanuel Kant
Baltic Federal University
(Kaliningrad, Russia)

Acknowledgments:

The work was carried out
with the financial support of the RFBR,
grant № 19-012-00030 “Acausal semantic
coincidences from the point of view
of cognitive linguistics”

© Берестнев Г. И., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается когнитивная структура случайности, которая составляет исследовательский интерес для современной когнитивной лингвистики, обладающей свойством экспланаторности — объяснения глубинных механизмов явлений, допускающих содержательную интерпретацию. Реализуется впервые намеченная в лингвистике цель — выявление глубинных когнитивных характеристик в структуре мысли о случайности в русской и индоевропейской языковой ментальности с привлечением типологических данных. Методическую базу исследования составил комплекс аналитических приемов, позволяющих реконструировать глубинные содержательные структуры познавательной сферы человека по поверхностным семантическим данным языка. Осуществленный анализ мотивации слов с семантикой случайности в ряде родственных и неродственных языков позволил установить, что выявленная когнитивная структура случайности не является строго универсальной и в некоторых аспектах оказывается культурно обусловленной. Отмечается, что когнитивное начало мысли о случайности имеет комплексный характер, но по своей природе диффузно. Указывается на экспланаторную силу современной лингвистики, открытой к выходам в широкие междисциплинарные сферы. Делается вывод о том, что результаты данного исследования имеют междисциплинарную значимость и актуальны для современных фундаментальных наук.

Ключевые слова:

когнитивная структура, концепт, реконструкция, типология, семантика, синхроничность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The cognitive structure of randomness, which is of research interest for modern cognitive linguistics is considered. It has the explanatory property — an explanation of the deep mechanisms of phenomena that allow meaningful interpretation. The goal, first outlined in linguistics, the identification of deep cognitive characteristics in the structure of thought about randomness in the Russian and Indo-European linguistic mentality with the involvement of typological data is being realized. The methodological basis of the research was made up of a complex of analytical techniques that make it possible to reconstruct the deep content structures of the human cognitive sphere on the basis of the surface semantic data of the language. The analysis of the motivation of words with the semantics of randomness in related and unrelated languages made it possible to establish that the revealed cognitive structure of randomness is not strictly universal and, in some aspects, turns out to be culturally conditioned. It is noted that the cognitive principle of thinking about randomness is complex, but diffuse in nature. It points to the explanatory power of modern linguistics, which is open to entering broad interdisciplinary spheres. It is concluded that the results of this study are of interdisciplinary significance and are relevant for modern fundamental sciences.

Key words:

cognitive structure; concept; reconstruction; typology; semantics; synchronicity.

Когнитивная структура случайности

© Берестнев Г. И., 2021

1. Введение

За последние несколько десятилетий общие парадигмальные очертания лингвистики претерпели заметные изменения. Прежде всего, существенно расширились ее междисциплинарные связи, в результате чего она обратилась к новым для нее проблемным сферам и категориям, а сам язык определился как источник необходимых данных. Под влиянием этой тенденции сложились такие новые лингвистические направления, как лингвокультурология, этнолингвистика, когнитивная лингвистика, психосемантика, см.: [Ковшова, 2013, с. 54; Толстой, 1983; Петренко и др., 2018]. Все более отчетливо проявляется экспланаторная способность лингвистики: она объясняет вопросы, стоящие перед другими научными дисциплинами: психологией, культурологией, гносеологией, философией, историей религий, см.: [Кубрякова, 1995]. Как особо важную парадигмальную черту современная лингвистика демонстрирует антропоцентричность: имеющиеся языковые факты интерпретируются в ней в отношении человека как познающей инстанции и носителя смыслов. Наконец, расширилась объектная база «новой» лингвистики: обнаружилась особая продуктивность рассмотрения с позиций глубинной семантики таких экзотических культурных феноменов, как профетизмы и профетические сновидения, знамения, народные приметы, серийные катастрофы, эффект Баадера-Майнхоф [Берестнев и др., 2018; Берестнев и др., 2019; Берестнев, 2020; Сны ..., 2002; Сафронов, 2004; Харченко и др., 2008].

Один из наиболее интересных объектов, предполагающих рассмотрение с позиций современной лингвистики и с привлечением ее категориального аппарата и методик, — феномен синхронистичности. «Я выбрал этот термин потому, — объяснял сущность синхронистичности К. Г. Юнг, — что главным критерием мне представлялось одновременное возникновение двух событий, связанных не причинно, а по смыслу. Поэтому я использую общую концепцию синхронистичности в особом смысле совпадения во времени двух или более причинно не связанных между собой событий, которые имеют одно и то же или сходное значение. Эту концепцию не следует путать с “синхронностью”, которая просто означает одновременность протекания двух событий» [Юнг, 1997, с. 217—218.]. В этой связи К. Г. Юнг привел следующий пример: во время беседы с пациенткой, рассказывавшей ему о подаренном ей во сне золотом скарабее, в комнату за-

летел скарабеевидный жук. Его желто-зеленая окраска напоминала цвет золота [Там же, с. 186—187].

Рассмотрение синхронистичности в самых разных проявлениях (функционально-языковых, концептуальных, образных) предполагает обращение к двум ее основным характеристикам, определяемым как «совпадение» и «случайность». Эти характеристики составляют единство, что уже само по себе показательно в плане когнитивных закономерностей. Действительно, синхронистичность по с у т и является совпадением, которое внешне складывается случайно, не обуславливается какими-либо очевидными факторами, и снятие любой из них познавательльно уводит от самого явления синхронистичности.

Когнитивная структура совпадения уже рассматривалась исследователями [Берестнев и др., 2021]. Было установлено, что мысль о нем имеет чрезвычайно глубокие познавательные корни и несет в себе представления об особой когнитивной реальности, лежащей за пределами понятийного мышления человека.

Не менее интересны истоки и когнитивная структура представления о случайности. С одной стороны, в ней видится одно из основополагающих организующих начал бытия — в силу этого случайность активно обсуждалась в философии, а затем в математике, физике, квантовой механике. С другой стороны, она связывается с познавательной деятельностью человека — собственно с относительностью осуществляемой человеком категоризации действительности. В связи с этим случайность понимается как еще не понятая человеком закономерность явления или как его видимая уникальность, как проявление относительности знания человека о мире или как статистически низкая вероятность события [Чайковский]. При этом в математике вероятность понималась как мера случайности, а теория вероятности определилась как часть общей науки о случайном, ср., например: [Налимов, 1989; Ахромеева и др., 1992].

Когнитивно-языковой подход к феномену случайности обещает внести в эту картину дополнительную ясность. Язык, понимаемый как средство хранения имеющихся у человека знаний о мире, позволяет реконструировать на основе метода глубинного семантического анализа закрепившиеся в нем представления о случайном. Типологические обобщения полученных данных существенно повысят достоверность этих реконструкций, выведут на уровень особых когнитивных универсалий.

Обозначившаяся, таким образом, проблема первичного освоения человеком мысли о случайном и структуры этой мысли является чрезвычайно важной, поскольку касается знаний человека о фундаментальных принципах

пах бытия. С этих позиций становится возможным далее глубокое научное постижение нового для когнитивной науки объекта — феномена синхронистичности.

2. Намеченные к рассмотрению вопросы, цель и методы исследования феномена синхронистичности

Специфика заявленной проблемы предполагает поиск ответов на ряд вопросов более частного характера. Они таковы:

1. Как осмысляются случай и случайное носителями русского языка? Является ли их осмысление универсальным по своим когнитивным установкам или различается в условиях разных языков?
2. Какие когнитивные тактики при формировании концептов СЛУЧАЙ, СЛУЧАЙНОСТЬ определяются в разных языках?
3. Какие глубинные системные отношения связывают концепты СЛУЧАЙ, СЛУЧАЙНОСТЬ с другими концептуальными образованиями в русской языковой ментальности? Как выглядят подобные связи в более широком плане межъязыковых соответствий?

Общую цель исследования составляет решение проблемы первоначального когнитивного освоения мысли о случайности в разных языковых ментальностях и тем самым прояснение ее общих когнитивных оснований. В этой связи предполагается также реконструировать исходную признаковую структуру концептов СЛУЧАЙ, СЛУЧАЙНОСТЬ в русской и — шире — индоевропейской языковой ментальности. Наконец предполагается рассмотрение системных связей данных концептов в разных (в том числе неродственных) языках и на этой основе — реконструкция обязательной содержательной структуры концептов СЛУЧАЙ, СЛУЧАЙНОСТЬ на глубинном уровне человеческой ментальности.

Специфика целевой установки исследования и решаемых задач предполагает обращение к следующим исследовательским методам:

- семантическая реконструкция, при которой по вариативным данным языка воссоздаются глубинные инвариантные начала соответствующих фактов, имеющие уже статус когнитивных начал;
- ономазиологический анализ, позволяющий реконструировать первоначальную мотивацию слов, обозначающих случайное в русском языке, и тем самым выявлять когнитивные основания концептов СЛУЧАЙ, СЛУЧАЙНОСТЬ в русской языковой ментальности;
- словообразовательный анализ, благодаря которому определяются ступени лексического выражения концептов СЛУЧАЙ, СЛУЧАЙНОСТЬ в русском языке и тем самым более надежно реконструируются их первоначальные содержательные состояния;

- концептуальный анализ, на основе которого надежно воссоздаются содержательные структуры концептов СЛУЧАЙ, СЛУЧАЙНОСТЬ;
- сопоставительный анализ, позволяющий определять универсальные когнитивные тактики в актах формирования концептов СЛУЧАЙ, СЛУЧАЙНОСТЬ в разных языковых ментальностях;
- метод словарных дефиниций, позволяющий определять семантическую структуру и семантические связи концептов СЛУЧАЙ, СЛУЧАЙНОСТЬ по данным различных словарей.

3. Мотивирующие основания мысли о случайности в старославянском языке

Общее представление о способе когнитивного освоения человеком мысли о действительности дает рассмотрение обозначений этой мысли в языке. Именно номинация составляет собой акт, в котором некое идеальное начало (результат когнитивного освоения мира человеком) соединяется с началом материальным (его именем в языке), получая при этом опору в уже имеющемся знании о мире. Таким путем структуры сознания оказывают опережающее влияние на язык [Кубрякова, 2004, с. 94—95], а ономаσιологический анализ языковых единиц позволяет реконструировать эти структуры.

В русском языке слово *случай*, на основе которого образовались далее слова *случайный* и *случайность*, является индоевропейским по происхождению и входит в обширное этимологическое гнездо слов с семантикой разнообразной, но обнаруживающей единый познавательный архетип.

Так, уже в старославянском языке показателен корень *лоук-* / *лоуч-*, обозначающий четыре семантические позиции: «событийность», «спонтанность», «некое спонтанное единство» и «положение в обществе» — ср.: *сьлоучаи* ‘случайность, случай’, *слоучати са* 1. ‘происходить, совершаться, случаться’, 2. ‘встречаться, случайно сталкиваться (в пути)’ [Старославянский словарь, 1999, с. 655—656]; сюда же относятся конструкции *по прилоучаю* ‘случайно’ [Там же, с. 506], *по приключаю* ‘случайно’ [Там же, с. 504], *лоучати са* ‘случаться’ [Там же, с. 311], *прилучаи* ‘случай’ и ‘звание, положение’ [Там же, с. 506].

Единство этих смыслов объясняется следующим. *Случай* мыслится в связи с событийностью и на ее основе: он по своей когнитивной природе является событием (ср. рус. *Вот был такой случай*), *случайный* — это признак события, *случайно* — признак действия.

На более глубоком уровне языковой семантики мысль о случайном обнаруживает в своем составе характеристику единства: она с этой точки зрения определяется как «спонтанное объединение в одном целом того,

что ранее единства не составляло» (в аспекте движения живых существ или считающихся таковыми данное содержание концептуально оформилось как «встреча»).

С этих позиций объясняется далее логика значения ‘звание, положение’ у слова *прилоучаи* — ср.: *глаголи ... има свое ... и прилоучаи*. В приведенном контексте слова *има* и *прилоучаи*, как представляется, сведены закономерно с когнитивной точки зрения: первое обозначает то, что человек «имеет», что составляет его безусловную сущностную черту [Топоров, 1991, с. 508], а второе обозначает то, что связывается с человеком внешне (на это указывает семантика приставки *при-*) и составляет с ним в социальной сфере условное, метонимическое единство.

Таким образом, в старославянском языке глубинное семантическое начало группы слов с корнем *лоук-* / *лоуч-* составляет комплекс «спонтанность — единство». На поверхностном концептуальном уровне языка он реализуется по преимуществу как СЛУЧАЙ, СЛУЧАЙНОСТЬ, а в аспекте единства — как (случайная) ВСТРЕЧА, СОЕДИНЕНИЕ и при осуществлении дополнительных, более существенных семантических преобразований — как (социальное) ПОЛОЖЕНИЕ.

Расширение круга слов с данным корнем в других индоевропейских языках усложняет выявленную картину, но не меняет ее радикально. Так, в славянских языках определяется группа глаголов, обозначающих фазы целенаправленного и успешного броска: ср. укр. *лучіти* ‘метить, попадать’, блр. *лучыць* ‘случиться, попасть’, болг. *луча* ‘целью’, словен. *lučiti*, *lučiti* ‘бросать, кидать’, чеш. *lučiti* ‘бросать, попадать’, польск. *luczyć* ‘метить, попадать’. Семантика всех этих слов сложилась на основе выделения в реконструированном содержательном начале уже самостоятельных признаков «спонтанность» и «единство», а затем их дальнейшего концептуального преобразования: значение ‘метиться, целиться’ составило переосмысление признака «спонтанность» (почти до конверсного ему «контролируемость»), а значение ‘попадать’ определилось как ситуативное оформление признака «единство». Значение же ‘бросать, кидать’ составило языковое выражение мысли о простейшем действии, в котором связались воедино все эти содержания.

Выход за рамки славянской группы языков делает картину преобразований реконструированного глубинного семантического начала «спонтанность — единство» еще более разнообразной. В частности, в этих условиях отчетливо просматривается общая семантика зрительного восприятия, на основе которой затем складывается значение ‘искать’ (букв. выглядывать нечто) и обозначения глаза — ср.: др.-прусск. *laukīt* ‘искать’, лтш. *lūkāt* ‘глядеть, пытаться’, англ. *to look* ‘смотреть’, *to look after* ‘искать’,

греч. *λεβσσω* ‘вижу, замечаю’, др.-инд. *loc* ‘смотреть, созерцать’, *lōcatē* ‘видит, замечает’, *lōcana* ‘глаз’ [Фасмер, т. II, с. 538]. Другое направление преобразования семантики зрительного восприятия реализовалось в сложившемся в литовском языке значении ожидания: ср.: лит. *láukiu, láukti* ‘ждать’, *lūkiù, lūkei* ‘поджидать’, *suláukti, susiláukti* ‘дождаться’ и в связи — с этим ‘дожить’ и ‘получить’.

Таким образом, в индоевропейской языковой ментальности глубинным когнитивным основанием мысли о случае с точки зрения мотивирующих оснований выступает целостный семантический комплекс «спонтанность — единство». Его реконструкция обеспечивается уже данными старославянского языка, но косвенно подтверждается фактами языковой семантики слов с соответствующим корнем в других индоевропейских языках.

4. Когнитивная структура мысли о случайности по данным лексической семантики (русский язык)

Выявление глубинных содержательных оснований лексических значений реализуется в процедуре семантической реконструкции. Ее правила впервые определил в середине прошлого столетия Э. Бенвенист. Прежде всего, он скорректировал взгляд на лексическую семантику, составляющую исходный материал для таких реконструкций. «Единственный принцип, на который, считая его общепризнанным, мы будем опираться в последующем анализе, — специально отметил он, — заключается в том, что “значение” лингвистической формы определяется всей совокупностью ее употреблений, ее дистрибуцией и вытекающими из них типами связей» [Бенвенист, 1974, с. 332]. С лексикографической точки зрения, значение слова — это все представленные в толковых словарях варианты и вариации его семантики, определяющие его функциональный потенциал в языке.

Кроме того, Э. Бенвенист определил сам принцип семантической реконструкции. В общем плане она сводится к поиску содержательного инварианта, составляющего начало непосредственно данных семантических вариантов слов [Там же, с. 442]. Следует признать, однако, что таким путем могут выявляться глубинные структуры человеческой ментальности, лежащие уже за пределами концептуальных систем языка. Таким образом, семантическая реконструкция, по сути, оказывается реконструкцией характерных для данной языковой ментальности глубинных содержательных величин, не подвергшихся строгой категоризации и имеющих дязыковой характер. Не случайно для их описания порой используются весьма пространные тексты, передающие полноту их содержания на дискурсивном уровне. Ср. у Э. Бенвениста: «Понятие *pánthāḥ* включает в себя труд, неуверенность и опасность, у такой дороги есть непредвиденные по-

вороты, она может меняться вместе с тем, кто ее проходит, и к тому же она не только земная: у птиц своя такая дорога, у рек — своя. Pánthāḥ, следовательно, — это дорога, которая не проложена заранее и по которой нет регулярного движения. Это скорее “переход”, который пытаются проделать через неизвестную и часто враждебную местность <...>, короче говоря, дорога куда-то, куда не ходят просто, средство преодолеть опасное, полное непредвиденных случайностей пространство» [Там же, с. 339].

С другой стороны, реконструированные по данным лексической семантики глубинные содержания такого рода могут представляться на основе признаков комплексов, характеризующих их отдельные аспекты (при этом вопрос об их логической совместимости считается непринципиальным). Так, по наблюдению В. Н. Топорова, истоки мысли о «знании» в индоевропейской языковой ментальности связываются с тремя идейными линиями: во-первых, обособлением, выделением из среды остального (единого) через некое отличие, во-вторых, родами и рождением и, в-третьих, обретением формы знания — знака [Топоров, 1980, с. 158—159]. Он показал также, что семантика др.-греч σοφία ориентирована на идеи обособления, выделенности, самости (процесс индивидуализации), но вместе с тем связывается с мыслью о включенности в некую общность (процесс генерализации) [Там же, с. 160—161].

С этих установочных позиций могут рассматриваться и глубинные когнитивные начала мысли о случайности в русском языке. Они в целом отвечают выявленному по данным старославянского языка комплексу «спонтанность — единство», однако обнаруживают некоторые изменения и дополнения в структуре этого комплекса. Обращает на себя внимание и особая взаимосвязь указанных характеристик — их объединенность в рамках того или иного семантического варианта слова с базовой семантикой случайности.

А. Событийность. Эта семантическая характеристика вновь обращает на себя внимание в силу того, что она еще более отчетливо показывает себя в этих условиях как принадлежность глубинным семантическим основаниям случайного. Все случайное проявляет себя в событии и реализуется в нем. О внеграмматичности характеристики событийности говорит и то, что она достаточно отчетливо прослеживается в семантической структуре глаголов. Так, характеристика событийности отмечается в следующих примерах: *случай* ‘то, что случилось, непредвиденное событие, происшествие’ (Николай Петрович рассказывал разные случаи из своей жизни ... Не было случая в моем путешествии, чтоб кореец не держал своего слова. Гарин-Михайловский. По Корею, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову); семантику событийности выражают конструкции типа *при удобном случае, в данном случае* (Воображение мое, как всегда бывает в подоб-

ных случаях, ушло далеко вперед действительности. Толстой. Детство); с этой характеристикой связываются конструкции **в случае (чего)** ‘если случится, если возникнет что-либо (какое-либо событие, обстоятельство и т. п.)’ ([Фоме Фомичу] приказали явиться, угрожая силою в случае отказа. Достоевский. Село Степанчиково), **во многих случаях, редкий случай, в этом / таком случае, в любом случае**.

Б. Спонтанность. Это идейное начало прослеживается в следующих примерах, показывающих его взаимодействие с идеей событийности: **случай** ‘то, что случилось, непредвиденное событие, происшествие’ (Николай Петрович рассказывал разные случаи из своей жизни ...), **по случаю (купить, приобрести и т. п.)** ‘случайно’ (Это не мой костюм. Я купил его по случаю. Гайдар. Школа), **на случай** (устар.) ‘случайно, неожиданно’ ([Городничий] Так сделайте милость, Иван Кузьмич, если на случай попадетс я жалоба или донесение, то без всяких рассуждений, задерживайте. Гоголь. Ревизор), **случаи заболевания, случаи нарушения (правил), счастливый / несчастный случай, дело случая; случайный** ‘возникший непредвиденно, непреднамеренно’ (Случайная встреча. Случайное совпадение, Случайный попутчик); **случайность** ‘непредвиденное, неожиданное обстоятельство’ (Думаю я, что оплошности вы не сделаете, хотя случайности могут быть всякие. Сергеев-Ценский. Лютая зима), **случайно** — наречие от прил. **случайный** (Случайно вас когда-то встретя, В вас искру нежности заметя, Я ей поверить не посмел. Пушкин. Евгений Онегин).

В. Акаузальность. Важная семантическая особенность случайности, определяющаяся в данных условиях, — ее акаузальность, принципиальная вообще для синхронистических совпадений. Как представляется, эта характеристика связана с характеристиками событийности и спонтанности в когнитивной структуре случая. Ср.: **случайный** ‘возникший без достаточных оснований, причин’ (Вы порицаете мое направление, а кто вам сказал, что оно во мне случайно, что оно не вызвано тем самым народным духом, во имя которого вы ратуете? Тургенев. Отцы и дети); **случайность** ‘обстоятельство, не вытекающее с необходимостью из каких-либо условий, не обусловленное причинно’ (Рождение человека — случайность, а смерть — закон. Куприн. На покое). Важно отметить при этом, что случай акаузален в своей событийности. Однако сам он может быть причиной других событий: **по случаю чего** — ‘вследствие какого-либо обстоятельства’ (По случаю волнения на море пароход пришел поздно. Чехов. Дама с собачкой).

Г. Бессистемность. Эта характеристика определяется наличием трех имплицитных признаков составляющих: «множественность», «повторяемость» и «нерегулярность» — причем последний признак связан с тем,

что случайность спонтанна и находится вне контроля со стороны человека. Ср.: *при случае* ‘при некоторых обстоятельствах, иногда’ ([*Анна Андреевна*] *очень любопытна и при случае выказывает тщеславие*. Гоголь. Ревизор); *случайный* ‘такой, который бывает или появляется иногда, от случая к случаю’ (*Он перебивался случайными заработками; Он даже и не служил нигде в последнее время, а жил случайными уроками*. Сергеев-Ценский. Зауряд-полк).

Семантический комплекс «множественность — повторяемость — нерегулярность» почти иконически представляется и сочетанием *от случая к случаю*. При этом идея бессистемности оказывается как будто бы «за пределами» случайности, выражаясь на ее основе.

Д. Ошибочность. Этот идейный аспект мысли о случае достаточно отчетливо прослеживается в семантической структуре действия и определяющего его наречия *случайно* — ср. *Я случайно положил в портфель чужие очки; Я нажал эту кнопку случайно*. В ситуациях подобного рода ошибочные действия в целом являются незначительными, ведут к некоему нежелательному результату и связываются с идеями *непреднамеренности* и *непроизвольности*.

Исходя из всего этого может быть определена общая структурная модель мысли о случайном на глубинном уровне русской языковой ментальности. Она имеет следующий вид (рис. 1):

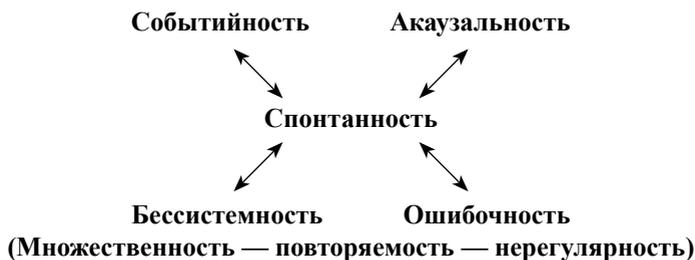

Рис. 1. Общая структурная модель мысли о случайном в русской языковой ментальности

5. Когнитивная структура случайного в типологическом аспекте

Рассмотрение языковых явлений с типологической точки зрения и, собственно, с позиций их повышенной частотности (в предельных случаях — универсальности) позволяет увидеть их познавательную природу. Еще Дж. Гринберг, Ч. Осгуд и Дж. Дженкинс в «Меморандуме о языковых универсалиях» высказали мнение о том, что «все явления, встречающиеся в разных языках с частотой, выходящей за рамки случайности, могут пред-

ставлять интерес для психологии» [Гринберг и др., 1970, с. 35]. В настоящее время речь шла бы о познавательной сфере человека.

Определенные типологические параллели в плане когнитивной структуры случайности прослеживаются уже в русском языке в семантике производных и.-е. **lonk-o-s* / **lenk-*: **lonk-* [Pokorný, v. I, с. 676], прасл. **lǫč-* с базовым значением кривизны, искривленности. Эти производные обнаруживают некоторые новые и важные для данной темы содержательные обстоятельства. Весьма показательны в этом отношении производные от основы *при-лук-* / *прилуч-*, которые связываются со следующими смыслами:

А) Событийность. Эта признаковая характеристика прослеживается в семантике таких примеров, как *прилученье*, *прилучай* м. стар. *прилучье* ср. сиб. ‘случай, приключенье, сталое дело, похождение, что сбылось над кем, происшествие’ [Даль, т. III, с. 424]; *С ним беда прилучилась* — «произошло негативное событие, определяемое как беда».

Б) Спонтанность. В числе слов с основой *прилуч-*, выражающих идею спонтанности, у В. И. Даля приводятся два примера, которые он, однако, прямо не объяснил. Первый пример таков: *На какое число ныне пасха прилучается?* [Там же, т. III, с. 423]. Употребление глагола *прилучается* в данном случае предполагает апелляцию к идее спонтанного и неконтролируемого совпадения события и даты. Спонтанность при этом также коррелирует с событийностью. Второй пример: *По прилучаю прииде св. Апостол Андрей* [Там же, с. 424]. Здесь конструкция *по прилучаю* просто может быть заменена на семантически тождественную ей конструкцию *по случаю*, выражающую идею спонтанности, неконтролируемости основного события.

В) Бессистемность. Эта идейная характеристика прослеживается в выражении *Не равна удача бывает, по прилучью* ‘как случится’ [Там же]. Семантику конструкции *по прилучью* сам В. И. Даль определил путем обращения к семантике случая, но вполне очевидно, что, по сути, в этом выражении имеется в виду б е с с и с т е м н о с т ь удачи.

Рассмотрение когнитивной структуры случайности в типологическом аспекте обнаруживает еще одно важное обстоятельство, проливающее дополнительное свет на ее глубинное понимание человеком. Речь идет о том, что в этих условиях вновь показывает свою актуальность признаковая характеристика «единство» и ее производное значение «бросок». Так, идею е д и н с т в а выражают слова *прилучать*, *прилучить* ‘присоединить к чему’ (*Его к этому делу не прилучишь*; *Они прилучили к себе еще товарища*); *прилучиться* ‘присоединиться по доброй воле’; идею б р о с к а выражают слова *лукать*, *лукнуть* ‘кидать изручь, метать, бросать, швырять’ (*Не лукай в собаку*, *Лукнул в окно камнем*), *лукать друг в друга* (*Ребятишки лукаются грязью*) [Даль, т. II, с. 272], *прилукнуть* ‘докинуть, подать бро-

ском' [Там же, т. III, с. 423] и косвенно (на основе метонимического сдвига) *прилукать руки* 'притомить руки, швыряя' [Там же].

Дальнейшее расширение объектного поля в подобных сопоставлениях, с одной стороны, подтверждает верность реконструированной когнитивной структуры случайности в индоевропейской языковой ментальности, а с другой — показывает наличие в некоторых языках и иных смысловых начал мысли о случайном, возможно, имеющих типологический характер. Так, лат. *cāsus* 'случай, повод, возможность', 'случайность, превратность', 'происшествие, событие' выражает идеи с о б ы т и й н о с т и , с п о н т а н н о с т и , а связанные с ним англ. *case* 'случай', *casual* 'случайный, непреднамеренный, нерегулярный, непостоянный', сущ. 'случайный посетитель, клиент, покупатель' вновь актуализируют идейные начала «спонтанность» и «бессистемность». Одновременно с этим лат. *accidēns* 'случайность', 'несчастный случай', (филос.) 'случайный признак, входящее (побочное) обстоятельство', *accidentia* 'случай, случайность', образованные от *accidere* 'падать, выпадать', 'случаться, приключаться'; *incidere* 'падать, упасть', 'случаться, приключаться' связаны идейно с практикой игры в кости и случайностью выигрыша [Дворецкий, 1986].

Лат. *sporadic* 'спорадический, случайный, единичный, нерегулярный' восходит к греческому названию островов в Эгейском море Σποράδες от σποράς 'отдельный, разбросанный, рассеянный' и мотивируется мыслью о бессистемности, но относящейся к организации объектов в двухмерном пространстве [Там же].

Нем. *der Zufall* 'случай, случайность', *zufällig* 'случайный, побочный' восходят к *fallen* 'сыпаться, повалиться, попадаться, попасться, опустить', значения которого связаны с идеей бессистемности, спонтанности, но в аспекте внешнего протекания процесса [Немецко-русский словарь, 1968].

Вместе с тем тур. *yanlışlıkla* 'случайно (по ошибке)' [Рыбальченко, 2011, с. 707], *kazara* 'случайно (нечаянно)' [Там же, с. 314] указывают на то, что в данной картине мира случайность в отношении действия, как и в русском языке, может концептуально оформляться в связи с его ошибочностью, неконтролируемостью.

Отмеченная тенденция к расширению спектра опорных смыслов при когнитивном освоении мысли о случайности более отчетливо видна при рассмотрении соответствующих слов в языках других семей. Так, эст. *juhuslik* 'случайный' образовано от *juhus* 'совпадение' и демонстрирует глубинную недифференцированность идей совпадения и случайности в соответствующей языковой ментальности [Русско-эстонский словарь].

Корейск. 무작위성 (*mujag-wiseon*) 'случайность' строится как соединение двух самостоятельных лексических единиц с автономной семанти-

кой — 무작 (mujaŋ) ‘случайный’ и 위성 (wiseon) ‘спутник’. Можно заключить отсюда, что случайность в корейской языковой ментальности мыслится на основе культурной ситуации странствия и спонтанным появлением в ней попутчика (аналогичная идейная связь прослеживается в нем. *beiläufig* ‘случайный, попутный’) [Русско-корейский словарь].

В суахили идея случая, случайности устойчиво связывается с мыслью о событийности, но вместе с тем о судьбе (в ее положительных и отрицательных аспектах), определяется в отношении родового и социального положения человека. При этом мысль о судьбе, в свою очередь, связывается с идеей игры, основанной на случае (лотерея), и смерти. Ср.: *ajali* ‘рок, судьба’, *ajali hailindiki* (посл.) «От судьбы не уйдёшь», ‘случай, случайность’, *kwa ajali* ‘случайно, непреднамеренно’, ‘[несчастный] случай’, ‘происшествие’, ‘гибель’, *patikana na ajali* ‘встретить свой смертный час’; *bahati* ‘судьба, участь’; ‘рок’; ‘случай, случайность’ (*tumia bahati* ‘пользоваться случаем’, *kwa bahati* ‘случайно’), *bahati nasibu* ‘лотерея’; *nasibu* ‘случай, случайность’, ‘случайный’, ‘участь, судьба’, ‘удача, счастье’; *kwa nasibu* ‘случайно, непреднамеренно’; *bahati nasibu* ‘лотерея’, ‘восходить (к роду и т. п.)’, ‘происходить (из рода, семьи и т. п.)’ [Суахили-русский словарь].

Очевидно, таким образом, что когнитивная структура случайности не является строго универсальной и в некоторых аспектах оказывается связанной с культурными условиями, в которых живет человек, моделируется на их основе (рис. 2).

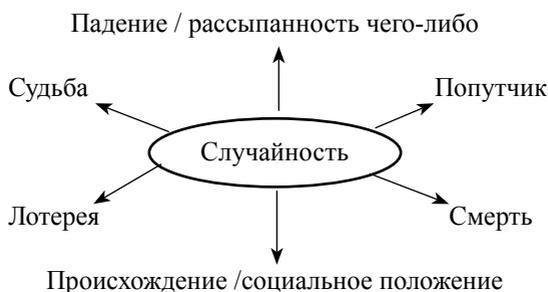

Рис. 2. Когнитивная структура случайности

6. Заключение

Осуществленное исследование позволяет сделать несколько обобщающих выводов теоретического и методологического характера.

1. Когнитивная структура мысли о случайности весьма сложна и с точки зрения поверхностных дискретных единиц языка представляется

идейными комплексами «спонтанность — единство», «спонтанность — событийность — акаузальность — бессистемность — ошибочность». На глубинных уровнях языковой ментальности эти комплексы предстают как целостные, диффузные содержательные образования. Разные направления его семантической эволюции дают далее концепты судьбы, лотереи, смерти, поиска, ожидания, счастья / удачи и др.

2. Сама мысль о случайности формируется в единстве идейных характеристик «событийность», «акаузальность», «спонтанность», «бессистемность», «ошибочность». Этот комплекс в целом может иметь типологическую значимость, однако его отдельные компоненты (такие, например, как «спонтанность» или «событийность») могут представлять собой в отношении мысли о случайности некие глубинные универсальные начала.

3. Осуществленное исследование в новом аспекте показывает эксплаторную силу современной лингвистики и собственно актуального для нее метода семантической реконструкции. При определенных исходных позициях этот метод обнаруживает силу также в отношении когнитивной науки, но может обеспечить выходы и в более широкие междисциплинарные сферы. При этом принципиально важной оказывается следующая установка: чем дальше друг от друга отстоят сравниваемые явления, тем более глубоким является воссозданное в реконструкции состояние.

4. Во всех случаях общий принцип подобных реконструкций составляет поиск инвариантного начала, лежащий в основе непосредственно рассматриваемых вариантов. Результат этой процедуры будет принадлежать уже собственно познавательной сфере человека.

5. Результаты осуществленного исследования имеют междисциплинарную значимость и актуальны для современных фундаментальных наук (в частности, квантовой механики), исследующих случайность и неопределенность в физической реальности и определяющих меру случайности — вероятность. При соответствующих установках реконструированная когнитивная структура случайности может рассматриваться как базовое психофизическое начало, близкое глубинному основанию двух реальностей разного порядка — физической и психической. Детальное рассмотрение подобных связей и феноменов составляет дальнейшую перспективу когнитивных исследований.

Источники

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х томах / В. И. Даль. — Москва-Санкт-Петербург, 1880—1882 (1955).

2. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. — Москва, 1986. — 843 с.
3. *Немецко-русский словарь* / под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой. — Москва : Советская энциклопедия, 1968. — 991 с.
4. *Русско-корейский словарь* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.google.ru/search?q=Русско-корейский+словарь> (дата обращения 14.01.2021).
5. *Русско-эстонский словарь* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.google.ru/search?q=Русско-эстонский+словарь> (дата обращения 12.01.2021).
6. *Рыбальченко Т. Е.* Русско-турецкий и турецко-русский словарь / Т. Е. Рыбальченко. — Москва : Русский язык, 2011. — 740 с.
7. *Старославянский словарь*, 1999 — Старославянский словарь / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. — Москва : Русский язык, 1999. — 842 с.
8. *Суахили-русский словарь* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://gufo.me/dict/swru/> (дата обращения 18.05.2021).
9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4-х томах / М. Фасмер. — Москва : Прогресс, 1964—1973.
10. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch : 2 v. / J. Pokorny. — Francke : Bern-München, 1959.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахромеева Т. С.* Нестационарные структуры и диффузионный хаос / Т. С. Ахромеева, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий, А. А. Самарский. — Москва : Наука, 1992. — 542 с. — ISBN 5-02-014252-2.
2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист. — Москва : Прогресс, 1974. — 448 с.
3. *Берестнев Г. И.* Лингвистические критерии разграничения примет и предписаний народной магии / Г. И. Берестнев, Л. Б. Бойко // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия : Филология, педагогика, психология. — 2019. — № 2. — С. 31—40.
4. *Берестнев Г. И.* Серийность событий в русском лингвокультурном сознании / Г. И. Берестнев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2020. — № 1. — С. 115—121. — DOI: 10.20916/1812-3228-2020-1-115-121.
5. *Берестнев Г. И.* Язык и когнитивная структура профетических текстов : Античность и русское православие / Г. И. Берестнев, Я. А. Киреева. — Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. — 221 с. — ISBN 978-5-9971-0511-2.
6. *Ковшова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры / М. Л. Ковшова. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 456 с. — ISBN 978-5-397-02652-9.
7. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с. — ISBN 5-94457-174-8.
8. *Налимов В. В.* Спонтанность сознания : Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. — Москва : Прометей, 1989. — 287 с. — ISBN 5-7042-0083-4.
9. *Петренко В. Ф.* Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики / В. Ф. Петренко, А. П. Супрун. — Москва : КРАСАНД, 2018. — 304 с.
10. *Сафронов Е. В.* Вещее сновидение и сбывшееся событие : механизмы соотношения / Е. В. Сафронов // Народная культура Сибири : Материалы XIII научного семинара

Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2004. — С. 220—224. — ISBN 5-8268-0822-5.

11. *Сны и видения в народной культуре : Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты* (Серия «Традиция, текст, фольклор»). — Москва : Изд-во РГГУ, 2002. — 382 с. — ISBN 5-7281-0335-9.

12. *Толстой Н. И.* О предмете этнолингвистики, о ее роли в изучении языка и этноса / Н. И. Толстой // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии* (Язык и этнос). — Москва : Наука, 1983. — С. 181—190.

13. *Топоров В. Н.* Еще раз о др.-греч. Σοφία : происхождение слова и его внутренний смысл / В. Н. Топоров // *Структура текста*. — Москва : Наука, 1980. — С. 148—173.

14. *Топоров В. Н.* Имена / В. Н. Топоров // *Мифы народов мира*. — Москва : Советская энциклопедия, 1991. — Т. I. — С. 508—510.

15. *Харченко В. К.* Лингвистика народной приметы : монография / В. К. Харченко, Е. Е. Тонкова. — Белгород : Изд-во ОАО «Белгородская областная типография», 2008. — 224 с. — ISBN 978-5-86295-173-8.

16. *Чайковский Ю. В.* Что такое случайность? [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.kudrinbi.ru/public/431/index.htm> (дата обращения 18.05.2021).

17. *Юнг К. Г.* Синхроничность / К. Г. Юнг. — Москва : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 1997. — 320 с. — ISBN 5-87983-057-8.

MATERIAL RESOURCES

Dal, V. I. (1955). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language: v 4-h t.* 2nd ed. Moscow-Saint Petersburg. (In Russ).

Dvoretzky, I. H. (1986). *Latin-Russian dictionary.* Moscow. 843 p. (In Russ).

Fasmer, M. (1964—1973). *Etymological dictionary of the Russian language: v 4-h t.* Moscow: Progress. (In Russ).

Leping, A. A., Strakhova, N. P. (eds.) (1968). *German-Russian dictionary.* Moscow: Soviet Encyclopedia. 991 p. (In Russ).

Old Slavic Dictionary. (1999). Moscow: Russian Language. 842 p. (In Russ).

Pokorny, J. (1959). *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. 2 v.* Francke: Bern-München. (In Germ).

Russian-Estonian dictionary. Available at: <https://www.google.ru/search?q=Русско-эстонский+словарь> (accessed 12.01.2021). (In Russ).

Russian-Korean dictionary. Available at: <https://www.google.ru/search?q=Русско-коре́йский+словарь> (accessed 14.01.2021). (In Russ).

Rybalchenko, T. E (2011). *Russian-Turkish and Turkish-Russian dictionary.* Moscow: Russian Language. 740 p. (In Russ).

Swahili-Russian dictionary. Available at: <https://gufo.me/dict/swru/> (accessed 18.05.2021). (In Russ).

REFERENCES

Akhromeeva, T. S., Kurdyumov, S. P., Malinetsky, G. G., Samarsky, A. A. (1992). *Unsteady structures and diffusion chaos.* Moscow: The science. 542 p. ISBN 5-02-014252-2. (In Russ).

Benvenist, E. (1974). *General linguistics.* Moscow: Progress. 448 p. (In Russ).

- Berestnev, G. I. (2020). Seriality of events in the Russian linguocultural consciousness. *Questions of cognitive linguistics, 1*: 115—121. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-1-115-121. (In Russ).
- Berestnev, G. I., Boyk, L. B. (2019). Linguistic criteria for distinguishing the signs and prescriptions of folk magic. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Philology, pedagogy, psychology, 2*: 31—40. (In Russ).
- Berestnev, G. I., Kireeva, Ya. A. (2018). *Language and cognitive structure of prophetic texts: Antiquity and Russian Orthodoxy*. Kaliningrad: Publishing house of the I. Kant BFU. 221 p. ISBN 978-5-9971-0511-2. (In Russ).
- Jung, K. G. (1997). *Synchronicity*. Moscow: Refl-book; Kiev: Vakler. 320 p. ISBN 5-87983-057-8. (In Russ).
- Kharchenko, V. K., Tonkova, E. E. (2008). *Linguistics of folk signs. Monograph*. Belgorod: Publishing house of JSC “Belgorod Regional printing House”. 224 p. ISBN 978-5-86295-173-8. (In Russ).
- Kovshova, M. L. (2013). *Linguoculturological method in phraseology. Codes of culture*. Moscow: Book House “LIBROCOM”. 456 p. ISBN 978-5-397-02652-9. (In Russ).
- Kubryakova, E. S. (2004). *Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world*. Moscow: Languages of Slavic culture. 560 p. ISBN 5-94457-174-8. (In Russ).
- Nalimov, V. V. (1989). *Spontaneity of consciousness: Probabilistic theory of meanings and semantic architectonics of personality*. Moscow: Prometheus. 287 p. ISBN 5-7042-0083-4. (In Russ).
- Neklyudov, S. Yu. (ed.). (2001). *Dreams and visions in folk culture: Mythological, religious-mystical and cultural-psychological aspects (Series “Tradition, text, folklore)*. Moscow: Publishing House of RSUH. 382 p. ISBN 5-7281-0335-9. (In Russ).
- Petrenko, V. F., Suprun, A. P. (2018). *Methodological intersections of psychosemantics of consciousness and quantum physics*. Moscow: KRASAND. 304 p. (In Russ).
- Safronov, E. V. (2004). Prophetic dream and a fulfilled event: mechanisms of correlation. In: *Folk culture of Siberia: Materials of the XIII scientific seminar of the Siberian Regional University Center for Folklore*. Omsk: Publishing house of OmSPU. 220—224. ISBN 5-8268-0822-5. (In Russ).
- Tchaikovsky, Yu. V. *What is randomness?* Available at: <http://www.kudrinbi.ru/public/431/index.htm> (accessed 18.05.2021). (In Russ).
- Tolstoy, N. I. (1983). On the subject of ethnolinguistics, on its role in the study of language and ethnos. In: *Areal studies in linguistics and ethnography (Language and ethnos)*. Moscow: The science. 181—190. (In Russ).
- Toporov, V. N. (1980). Once again about others-Greek: the origin of the word and its inner meaning. In: *Structure of the text*. Moscow: Nauka. 148—173. (In Russ).
- Toporov, V. N. (1991). Names. In: *Myths of the peoples of the world, 1*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 508—510. (In Russ).